

Глава 13: Лидер секты – странный.

Путешествие было тихим, так как никто из них не соизволил говорить. Вскоре, Мужун Юнь Шу смогла увидеть экипаж, который ждал её внизу.

Чу Чангэ вдруг улыбнулся и спросил её:

— Что, если я действительно стану нищим в следующей жизни? Придёте ли вы и спасёте ли меня?

Мужун Юнь Шу была ошеломлена:

— Разве не вы сказали, что обязательно станете лидером секты Моцяо-секты?

— Я подумал об этом, но это не точно.

Он продолжил с серьёзным лицом:

— В нашей секции Моцзяо лидер передаёт корону своему сыну, а его сын передает корону своему внуку. Теперь, когда я являюсь лидером секты, если в конечном итоге я стану лидером секты в своей следующей жизни, тогда я не стану внуком моего внука?

— Пу-у...

Мужун Юнь Шу хотела стерпеть, но она не могла.

— Неужели быть внуком внука так плохо?

Она рассмеялась, спрашивая его.

— Конечно, это плохо.

— Что в этом плохого?

— Всё плохо! Обращаясь к своему внуку как к «предку», разве это хорошо?

— К тому времени вы даже не сможете больше помнить, что вы – предок вашего предка.

Мужун Юнь Шу попыталась удержать в себе смех, утешая его.

Однако Чу Чангэ не нашёл в этом совсем ничего смешно. Словно он окунулся в тупик, он крепко нахмурился и смущённо сжал губы.

С другой стороны, Мужун Юнь Шу с трудом пыталась сдержать в себе улыбку. Внезапно она поняла, что этот высокомерный человек выглядел очень мило, когда он подтолкнул себя в тупик.

Когда Чу Чангэ нёс Мужун Юнь Шу и предстал перед толпой, все четверо стражников смотрели на своего вождя со странными выражениями лиц.

— Лидер...

Они хотели высказаться, но они не могли не смутиться.

Чу Чангэ проигнорировал их, как будто они были воздушными и невесомыми, когда он нёс Мужун Юнь Шу к карете.

Луер немедленно помог Чу Чангэ поднять занавески. Она с беспокойством спросила:

— Разве наша Мисс где-то повредилась?

— Я вывихнула лодыжку, вам не о чем беспокоиться.

Мужун Юнь Шу была безмолвна. Она выглядела так, будто была в состоянии, в котором она не могла говорить?

Чу Чангэ понимал мысли Мужун Юнь Шу, когда в его глазах мелькнула улыбка. Он осторожно положил её в карету, затем наклонился и намеревался помочь ей лечить кости её лодыжки, но она прервала:

— Спасибо, что несли меня с горы, это всего лишь небольшая травма, она восстановится со временем.

— Вы уверены?

Пока Чу Чангэ спрашивал её, у его левой руки уже была её нога, а правая рука была готова к массажу её лодыжки. Просто он ещё не использовал свои силы.

— Есть ли какая-то разница, уверена я или нет? – сказала Мужун Юнь Шу с тоном, который, казалось, хотел отказаться от споров с Чу Чангэ.

— Нет разницы.

Чу Чангэ слабо улыбнулся, его правая рука слегка сдвинула ногу, движение было мягким и нежным. Его взгляд был очень сосредоточен на массажировании её лодыжки.

Мужун Юнь Шу почувствовала себя тронутой глубоко в своём сердце. Она надула губы, как будто хотела что-то сказать, но потом почувствовала, что всё, что она говорит, кажется слишком претенциозным. Следовательно, она промолчала и подняла голову, глядя вдаль.

— Вам всё ещё больно?

Чу Чангэ призвал обратно Мужун Юнь Шу, которая была шокирована на некоторое время. На

некоторое время её ум потупился, затем она покачала головой:

— Нет, мне больше не больно.

— Это хорошо.

Чу Чангэ убрал свою руку и вышел.

Его голос звучал так, будто он был освобождён, что породило нереалистичное заблуждение в Мужун Юнь Шу, что он беспокоился о ней. Но она думала, что это невозможно. Она чувствовала себя смешной, в то же время самоуничижившись в своём сердце.

— Вы едете в столицу?

Чу Чангэ стоял за каретой и спрашивал её.

— М-м-м.

Мужун Юнь Шу должна решить вопрос банка как можно быстрее, иначе, если она задержится, люди действительно могут начать бунт. Она слышала, что было много людей из разных мест, которые уже сильно жаловались на банк правительству. Даже чиновники из столицы обратились к правительству с просьбой принять срочные меры против банка. Император, должно быть, очень сильно пострадал от моря петиций, жалующихся на неё.

Если серебряные ноты по-прежнему будут объявлены непригодными для использования, то ситуация экономического спада в Королевстве не будет решена легко. Хотя она использовала эту критическую ситуацию в качестве рукава, чтобы угрожать королевству, если вопрос должен был быть отложен на дольше, огонь мог бы сжечь её. Даже собака найдёт силы перепрыгнуть через стену в отчаянии, не говоря уже об обычных людях.

Хотя оставить имя в истории – это хорошо, оставить вонючее имя на десять тысяч лет, не было её намерением.

— Вы собираетесь в храм Шаолинь?

Мужун Юнь Шу увидела, что Чу Чангэ молчал, поэтому она преднамеренно попросила ослабить атмосферу.

— Я могу сопровождать вас в столицу.

Мужун Юнь Шу не ожидала, что он это скажет. Несколько секунд она сидела, ошеломленная, и сказала:

— Не нужно.

— Я тоже так думаю.

Чу Чангэ улыбнулся. Собственно, он не собирался сопровождать её. Но, конечно, если бы она

просила его об этом, он бы с радостью согласился.

Спустившись с горы Хуа То, они прибыли на три пути. Путь к югу приведёт к провинции Цзинь Лин, другой путь к северу приведёт к столице, а последний путь к Западу приведёт к храму Шаолинь.

— Мы расстанемся здесь, – сказал Чу Чангэ.

— Увидимся снова.

Тон Мужун Юнь Шу был чётким.

— Увидимся снова.

Чу Чангэ достал из коляски большую и длинную палитру и передал её Мужун Юнь Шу:

— Я верну это вам.

Мужун Юнь Шу даже не нужно было думать, чтобы угадать, что было внутри палитры. Внезапно она не решилась взглянуть ему прямо в глаза. Вначале она хотела высмеять Чу Чангэ, так как он был так далеко и ничего не мог с ней поделать. Итак, она взяла кисть и записала предложение:

— Где можно найти толстоподобного человека?

Теперь, когда она подумала об этом, это было так неловко. С тех пор, как она родилась, она никогда не оскорбляла кого-либо так прямо.

— Вы сожалеете об этом?

Чу Чангэ увидел, что она не приняла палитру, и ему захотелось поглазеть с ней.

— М-м-м.

Мужун Юнь Шу честно кивнула головой.

— Очень хорошо, великий добродетель.

Чу Чангэ был очень доволен ответом Мужун Юнь Шу, затем он искренне продолжал:

— Мадам должна помнить, что повиновение вашему мужу – это царский путь.

Мужун Юнь Шу услышала его слова и посчитал их смехотворными и забавными, что это за принцип?

— Разве мадам отправляется в храм Шаолинь, чтобы встретиться с мужем?

Чу Чангэ, казалось, спрашивал Мужун Юнь Шу, но на самом деле это было больше похоже на просьбу.

— Я не собираюсь стать монашкой, зачем мне туда идти? – спросила она.

— Вы не можете стать монашкой.

Мужун Юнь Шу сказала:

— Вот почему мне не нужно идти.

— Я подожду вас в городе Шапин.

— Путешествие в храм Шаолинь далёкое, оно очень утомительное.

Это правда.

— Город Шапин расположен ниже горы Шаолинь. В городе есть подземная гостиница, идите туда и найдите меня.

Мужун Юнь Шу чувствовала себя такой беспомощной, что она покачала головой, но потом она улыбнулась.

После того, как они расстались по пути, экипаж Мужун Юнь Шу поехал на служебный путь столицы.

— Мисс, вы уже планировали отправиться в храм Шаолинь, почему вы поступали так, как будто не хотели идти? – спросила Лу'Эр.

Первоначально причина, по которой она решила пойти в храм Шаолинь, состояла в том, чтобы спросить его, помогло ли это помолвке, чтобы вернуть доброту, которую она сделала, чтобы спасти свою жизнь в прошлом. Если это так, она сразу же нарушит обручение. Она не согласилась бы на такое обручение. Но теперь, когда он даже сжег свои серебряные ноты и позволил ей использовать его в качестве резерва, как она всё ещё могла сжечь мост после пересечения с ним? Более того, если она не выйдет за него замуж, она, скорее всего, станет монахиней.

Она не хотела возмущать своих восемнадцати предков, пока они не перерождались из мертвых.

Лу'Эр покачала головой и сказала:

— Я не понимаю.

— Выходи на улицу, тогда ты поймёшь.

...Лу'Эр знала, что Мисс не хотела позволять ей видеть картину, поэтому она тактично вышла на улицу и сопровождала колесо, чтобы насладиться холодным ветром.

После того как Лу'Эр вышла, Мужун Юнь Шу достала картину из палитры и открыла её. На

ней была ещё одна строка слов, написанная слева от её изящных крошечных слов. Она прочитала скорописную каллиграфию:

— Спроси мир, что есть настоящая любовь, это заставит человека желать иметь счастливое лицо.

— Это действительно что-то.

Мужун Юнь Шу улыбнулась и наклонила голову, она, казалось, была в хорошем настроении.

Казалось, что независимо от того, что она сделала или сказала ему, он не рассердился бы на неё. Это из-за его хорошего настроения? Или были другие причины?

В то же время, на западной стороне официальной дороги, у каждого из четырёх опекунов были разные мысли, проходящие через их голову.

— Лидер.

Восточный Хранитель больше не мог этого вынести и спросил:

— Вы?..

Остальные трое опекунов немедленно подняли уши, чтобы их послушать, их тоже беспокоил лидер. Три года назад их лидер привёл кого-то к Хуа То Горе, но потом, когда он спустился, он был с пустыми руками. Он сердито уничтожил имя «Саи Хуа То» из подземного мира, и с этого дня Фэн Ченг был запрещён к исцелению другого человека. Теперь их лидер пошел с пустыми руками, но он спустился с кем-то вместо этого. Это заставило их почувствовать беспокойство. Это заставит их лидера вернуть старые воспоминания о подобной сцене?

— М-м-м, вы, ребята, можете ходить медленно, медленнее и веселее, – сказал Чу Чангэ спокойным тоном.

Они были освобождены после того, как услышали тон своего лидера. Он подразумевал, что он в порядке.

Каждый раз, когда Чу Чангэ поднимался по Хуа То Горе, его настроение сильно падало. На этот раз он почувствовал себя особенно отягощённым, потому что там встретил Мужун Юнь Шу.

Чу Чангэ поднял голову и наклонился к задней части. Он закрыл глаза и спросил себя в своём сердце: Сир, ты простишь меня, верно?